

Терновский Филипп Алексеевич

**Император Петр 1-й в его
отношениях к царевичу
Алексею**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф53

Ф53 **Филипп Алексеевич Т.**
Император Петр 1-й в его отношениях к царевичу Алексею / Терновский
Филипп Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 43 с.

ISBN 978-5-519-76550-3

ISBN 978-5-519-76550-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

уже потомство. Въ недавнее время вышелъ уже VI томъ исторіи П. В. Устрялова, раскрывающій дѣло о царевичѣ Алексѣѣ. Множество драгоцѣнныхъ памятниковъ, хранившихся доселѣ въ архивахъ, вышли теперь на свѣтъ Божій. Правда, между этими памятниками нѣтъ ни одного, писаннаго противниками Петра и раскрывающаго дѣло о царевичѣ съ анти-Петровской точки зрѣнія (виднo современники Петра строго соблюдали его законъ не писать запершись), но за то самъ Петръ обрисовывается со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, а не какимъ старался представить себя въ своихъ манифестахъ, такъ что теперь можно судить Петра отъ его собственныхъ словесъ.—Итакъ, дѣло о царевичѣ Алексѣѣ поступаетъ теперь на судъ потомства. Но, виднo, современное намъ потомство не есть еще то крайнее потомство, которое одно только можетъ судить *sine ira et studio*. Видно, по необходимому закону реакціи послѣ момента безусловнаго поклоненія Петру намъ нужно пережить еще моментъ безусловнаго отрицанія въ немъ всякихъ заслугъ и достоинствъ. Видно, послѣ историковъ-панегиристовъ должны явиться еще историки-памфлетисты. Вообще современная литература наша не благоволяетъ къ Петру: славянофилы не любятъ его вслѣдствіе глубокаго уваженія и сочувствія къ древней Руси, которую Петръ безжалостно губилъ своею реформою; западники--- вслѣдствіе проникновенія идеею гуманности, которая была совершенно чужда дѣятельности Петра и о существованіи которой онъ едвали догадывался.—Въ частности тѣмъ же духомъ неблаговоленія къ Петру проникнуты журнальныя статьи, явившіяся по поводу VI тома исторіи П. В. Устрялова, (*Лонгинова въ Моск. Вѣдомостяхъ*, *Семевскаго въ Русскомъ Словѣ*; неизвѣстнаго автора въ *Современникѣ*). Видно, что авторы этихъ статей имѣли тенденцію развѣнчать Петра, свести его съ того пьедестала, на который онъ незаконно

поставленъ официальными панегириками, разоблачить его пороки и нещадно побить его словомъ обличенія, точно также, какъ онъ нещадно билъ батогами своихъ современниковъ. Мы не говоримъ, чтобы эти статьи были несправедливы по своему содержанію, или чтобы Петръ въ дѣйствительности былъ гораздо лучше того, какъ онъ изображается въ этихъ статьяхъ; но мы думаемъ, что Петръ не найдетъ себѣ здѣсь правильной оцѣнки, потому что въ этихъ статьяхъ звучитъ тонъ задорной полемики, а не тотъ спокойно-благородный тонъ, какимъ должно изрекать свои приговоры потомство.

Мы, съ своей стороны, не будемъ ни хвалить, ни охуждать, но постараемся *только разяснить* нравственный характеръ Петра. Само собою разумѣется, что эта задача обязываетъ насъ держаться вдали и отъ памфлетистовъ и отъ панегиристовъ Петра, чтобы тѣмъ вѣрнѣе попасть на *среднюю линію* истины. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ Петра В. является *необъяснимымъ* съ точки зрѣнія какъ панегиристовъ, такъ и памфлетистовъ. Съ точки зрѣнія панегиристовъ Петръ В. является, какъ смертный, *богамъ подобный*, не причастный обыкновеннымъ страстямъ и слабостямъ человѣческимъ. Такъ именно изображаютъ его Ломоносовъ и Морозкинъ въ „похвальномъ словѣ Петру В.“ Съ точки зрѣнія памфлетистовъ Петръ В. является, какъ демоническое существо, для котораго нѣтъ ничего святого, какъ жестокій тиранъ, почти какъ антихристъ, какъ называли его раскольники. Очевидно, оба представленія далеки отъ истины и только затемняютъ характеръ Петра В. Мы тогда только поймемъ и разяснимъ себѣ характеръ Петра В., когда будемъ представлять его не какъ полу-миѳическое божество или какъ демоническое существо, но какъ человѣка съ плотью и кровью, съ слабостями и страстями, съ человѣческою ограниченностію и съ индивидуальными особенностями

характера, въ которыхъ, какъ и у всякаго человѣка, перемѣшано много добраго и злаго.

Въ предлагаемомъ сочиненіи мы постараемся 1) раскрыть исторію отношеній Петра В. къ сыну, 2) начертать краткую, но по возможности вѣрную и точную характеристику Петра, на сколько нравственный характеръ его проявляется въ отношеніяхъ его къ сыну.

I.

Исторія отношеній Петра В. къ царевичу Алексѣю такъ богата трагическимъ элементомъ, что мы по справедливости можемъ назвать ее трагедіею,—и даже одною изъ печальнѣйшихъ трагедій, особенно если припомнить, что она не была плодомъ творческой фантазіи поэта, но разыгрывалась въ дѣйствительной жизни. Въ этой трагедіи мы можемъ различить четыре акта: царевичъ въ небреженіи, царевичъ въ опалѣ, царевичъ въ бѣгствѣ, царевичъ подъ судомъ. Печальный исходъ дѣла предчувствуется съ 1-го акта; послѣдующія обстоятельства еще болѣе усложняютъ коллизію, происходящую отъ столкновенія діаметрально-противоположныхъ характеровъ отца и сына, надежда на возможность примиренія и взаимнаго соглашенія оскудѣваетъ все болѣе и болѣе; наконецъ, чувствуется, что никакія счастливыя случайности не помогутъ, и что предѣлъ натянутымъ отношеніямъ отца и сына можетъ положить только смерть, которая одна въ силахъ разрѣшать всѣ земныя коллизіи.

Царевичъ въ небреженіи.

Отношенія Петра къ сыну во дни его младенчества и юношества такъ ничтожны и малозначущи, что объ нихъ не стоило бы и говорить, если бы въ этомъ періодѣ не было заложено сѣмя всѣхъ бѣдствій, которыя развились впо-

слѣдствіи.—Царевичъ Алексѣй родился въ 1690 г., когда отцу его было еще 13 лѣтъ. Первые годы младенчества Алексѣя были, быть можетъ, временемъ наилучшихъ отношеній отца къ сыну. Царь жилъ еще въ ладахъ съ матерью царевича, Евдокією Ѳеодоровною. Еще жива была мать Петра, царица Наталья Кирилловна, которая старалась удерживать Петра въ нѣдрахъ тихой семейной жизни и изъ дальнихъ путешествій на Бѣлое море звала его назадъ именемъ *Олешеньки*. Весьма вѣроятно, что и самъ Петръ съ отеческою горячностью любилъ и ласкалъ своего первороднаго сына, по крайней мѣрѣ не имѣлъ никакихъ причинъ не любить его. Все это было тогда, когда царевичъ находился еще въ состояніи младенческой безсознательности. Когда царевичъ сталъ приходить въ сознаніе и различать себя и окружающіе предметы, вся обстановка кругомъ его уже перемѣнилась; бабушка уже умерла, мать жила въ разводѣ съ отцемъ и была пострижена въ монахини; самъ государь, занятый реформою государства и трудною борьбою съ Швеціею, былъ постоянно въ разъѣздѣ и не имѣлъ ни времени, ни охоты посвящать сколько нибудь вниманія своему сыну. Въ теченіе 12 лѣтъ (отъ 8 до 20 г. жизни царевича) царь видѣлся не болѣе 5 или 6 разъ съ сыномъ; и эти личныя свиданія были не на радость царевичу; отецъ почти всегда обращался къ сыну съ строгимъ выговоромъ. Такъ въ 1703 г. при началѣ ученія по наказу Б. Пойссена Петръ счелъ нужнымъ сказать сыну строгую и внушительную рѣчь, заканчивавшуюся словами: „если ты не будешь слѣдовать моимъ наставленіямъ, я не признаю тебя моимъ сыномъ, я буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя и въ сей жизни, и въ будущей“. Въ другой разъ Петръ далъ сыну строгій выговоръ за посѣщеніе царицы-матери Евдокіи.—Въ остальное время, свободное отъ свиданій съ отцомъ, царевичъ чувствовалъ себя гораздо покойнѣе, занимался чѣмъ угодно, окружалъ себя

людьми по своему вкусу. Ученье шло кое-какъ. Петръ ни за чѣмъ не слѣдилъ и какъ бы забывалъ о существованіи царевича. Такъ прошло все время до 20-тилѣтія царевича.

Такія отношенія ясно показываютъ, что Петръ не любилъ своего первенца, что ц. Алексѣй былъ для него сынъ постылый. Отчего же могла возродиться такая холодность Петра къ сыну? Мы на это находимъ три причины: а) ц. Алексѣй былъ сынъ Евдокіи Θεодоровны, которую Петръ не любилъ и постригъ въ монахини, *ради нѣкихъ ея противностей*, какъ сказано въ манифестѣ; всего вѣроятнѣе за то, что она была привязана къ старинѣ и слишкомъ ревновала царя, непостояннаго въ сердечныхъ привязанностяхъ: естественно, что нерасположеніе Петра къ матери переносилось и на ея сына. б) Петръ очень хорошо понималъ, что царевичъ не сходенъ съ нимъ по характеру, что симпатіи и антипатіи у нихъ разныя. Еще во время стрѣлецкаго бунта, когда царевичу было 8 лѣтъ, въ народѣ говорили, что онъ *Нѣмцевъ не любитъ*, и хотѣли посадить его на царскій престолъ, убивъ предварительно Петра, какъ такого государя, который *началъ вѣрвать въ Нѣмцевъ*. Петръ зналъ это и рано сталъ видѣть въ сынѣ своего соперника, приверженца ненавистной партіи *бородачей, которые нынѣ не въ аванжѣ обрѣтаются*. в) Новая привязанность Петра къ Екатеринѣ еще болѣе увеличивала нерасположеніе царя къ сыну. Честолюбивая женщина, руководимая Меньшиковымъ, зная привязанность къ себѣ государя, могла надѣяться вступить съ нимъ въ законный бракъ и видѣть себя или своихъ дѣтей на престолѣ Россійскомъ. Царевичъ стоялъ преградою на пути къ этой цѣли. Посему въ интересахъ Екатерины и Меньшикова было доводить разладъ между отцемъ и сыномъ до крайней степени. Гибель царевича была бы для нихъ высшимъ торжествомъ.

Итакъ, Петръ не любилъ царевича. Съ своей стороны и царевичъ не былъ расположенъ къ своему отцу—и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Во-первыхъ, царевичъ видѣлъ въ отцѣ гонителя своей матери, виновника ея невольнаго постриженія. Во-вторыхъ, рожденный съ душою тихою и неспособною къ борьбѣ, благочестивый и набожный, царевичъ не видѣлъ ничего худого въ старомъ порядкѣ вещей, не понималъ необходимости, важности и пользы реформъ Петровыхъ и считалъ ихъ положительно вредными. Въ этой мысли особенно утверждали царевича усердные приверженцы старины, *попы и чернцы, съ которыми онъ привыкъ имѣть конversaцію*. Эта симпатія царевича къ приверженцамъ старины очень понятна. Забытый, загнанный, униженный, не находившій удовлетворенія самымъ законнымъ требованіямъ любви и ласки со стороны Петра и всѣхъ приверженцевъ реформы,—царевичъ естественно долженъ былъ обратиться съ требованіемъ привѣта и сочувствія къ людямъ, которые были также загнаны и унижены, какъ онъ самъ,—у нихъ находилъ онъ самое усердное сочувствіе, самую теплую симпатію, вмѣстѣ съ ними привыкъ онъ непріязненнымъ окомъ смотрѣть на всѣ дѣла своего родителя. Въ-третьихъ, новая привязанность Петра къ Екатеринѣ не была тайною для царевича: онъ долженъ былъ по расчету или *ex officio* писать къ ней почтительныя письма и заискивать ея расположенія. Но въ сущности царевичъ не любилъ Екатерины, и не могъ простить отцу своему того, что онъ, оставивъ царицу Евдокію, вступилъ въ связь съ женщиною, которая дѣйствуетъ за одно съ Меншиковымъ, мстительна и зла, не знаетъ ни Бога, ни совѣсти. (Такъ въпослѣдствіи характеризовалъ свою мачиху царевичъ во время бѣгства въ Австрію).

Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго періода разность характеровъ Петра В. и Алексѣя окончательно

опредѣлилась; взаимное нерасположеніе сдѣлалось для всѣхъ замѣтнымъ; около каждого изъ нихъ образовалась особая партія; съ одной стороны стояли Петръ съ Екатериною и Меншиковымъ; съ другой—царевичъ съ несчастными приверженцами старины. Отселѣ исторія отношеній Петра В. къ сыну принимаетъ трагическій характеръ.

Впрочемъ взаимное нерасположеніе и непониманіе царя и царевича по всей вѣроятности осталось бы безъ послѣдствій и не увѣнчалось бы трагическимъ концомъ, если бы между ними не стояла новая коллизія—вопросъ о наслѣдствѣ. Отецъ оставилъ бы въ покоѣ и забвеніи нелюбимаго сына, не умѣвшаго понимать его плановъ и преобразованій; сынъ удовольствовался бы пассивною ролью и, внутренно ни въ чемъ не соглашаясь съ отцомъ, не осмѣлился бы внѣшнимъ образомъ перечить ему,—и такъ они прожили бы весь вѣкъ во взаимной разлукѣ и во взаимномъ непониманіи. Но бѣда въ томъ, что этотъ мало любимый и не понимавшій отца сынъ былъ законный наслѣдникъ престола; отъ него зависѣло по смерти Петра или продолжать его преобразованія, къ чему царевичъ былъ рѣшительно неспособенъ, или идти наперекоръ имъ, о чемъ Петръ не могъ помыслить безъ ужаса и негодованія. Это обстоятельство заставило Петра извлечь изъ мрака забвенія отверженнаго сына и серьезнаго заняться вопросомъ о наслѣдствѣ. Это было около 1709 г., когда Алексѣю исполнилось 20 лѣтъ, когда знаменитая Полтавская побѣда крѣпче прежняго убѣдила Петра въ пользѣ и разумности его преобразованій, дала ему возможность отдохнуть на лаврахъ послѣ блистательнаго торжества и обратиться мыслію къ будущей судьбѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что разстроенное здоровье царя мало подавало надежды на долготѣіе.

Царевичъ въ опалѣ.

Петръ думалъ однимъ ударомъ разрубить Гордіевъ узелъ, хотѣлъ разрѣшить трудный вопросъ о наслѣдствѣ сына весьма просто. Онъ рѣшилъ отправить сына за границу и женить его на какой-нибудь иностранной принцессѣ, надѣясь, что, быть можетъ, пребываніе за границею и женитьба измѣнятъ нравъ царевича, сломятъ его упорную привязанность, вознаградятъ отчасти за недостатки и пробѣлы его воспитанія. Между тѣмъ, на случай неудачи этой мѣры Петръ приготовилъ себѣ и другой исходъ; онъ самъ вступилъ въ законный бракъ съ Екатериною, дабы, съ случаѣмъ несправимости царевича, имѣть отъ нея новыхъ дѣтей, могущихъ быть законными наслѣдниками престола. Обѣ свадьбы царя и царевича были отпразднованы въ одинъ годъ (1761), но за брачнымъ веселіемъ, какъ увидимъ, скоро послѣдовали сцены семейнаго несогласія и еще большаго разлада между отцемъ и сыномъ. Царевичъ три года пробылъ за границую. Пребываніе въ чужихъ краяхъ произвело на него мало впечатлѣнія. Онъ жилъ довольно замкнутою жизнью въ кругу своихъ приближенныхъ, поддерживавшихъ въ немъ прежній образъ мыслей. Женитьба также не могла переменить царевича; онъ вступилъ въ бракъ съ Шарлоттою по волѣ отца, противъ собственнаго желанія; принцесса Шарлотта, обладавшая довольно (*sic*) благородствомъ души, но некрасивая собою, очень не нравилась царевичу, и по тому самому не могла имѣть на него никакого нравственнаго вліянія. Онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ: онъ возвратился на родину съ тѣмъ же пристрастіемъ къ старинѣ, съ тою же затаенною оппозиціею противъ реформъ Петровыхъ. Трагедія, обусловливаемая этой ложной коллизіей, начала разыгрываться тогда, когда обѣ брачныя четы съѣхались въ Петербургъ.

Положеніе Петра было очень затруднительно. Въ самомъ дѣлѣ, что было ему дѣлать? Утвердить наслѣдство за сыномъ? Но вѣрно было, что сынъ постарается разрушить все, чтó создалъ отецъ. Одна мысль объ этомъ была невыносима для Петра. Отрѣшить сына отъ наслѣдства?—А что скажутъ подданные? а что скажутъ вѣнценосные родственники Шарлотты, которые, отдавая ее за наслѣднаго кронпринца, надѣялись видѣть ее русскою императрицею? Что скажетъ вся Европа, видя такое произвольно деспотическое отрѣшеніе законнаго наслѣдника безъ всякаго внѣшняго повода? Быть можетъ, и собственное сердце Петра, не совсѣмъ еще охладѣвшее въ любви къ сыну, не позволяло Петру рѣшиться на такую крутую мѣру. Петръ зналъ притомъ, что эта крутая мѣра можетъ быть въ то же время и совершенно бесполезна. Огромная партія людей, недовольныхъ преобразованіями Петровыми, была въ пользу царевича, а таковы были вся чернь и все духовенство. Петръ зналъ, что послѣ его смерти царевичу стоило сказать только слово архіереямъ и чрезъ духовенство подѣйствовать на народъ,—и тогда онъ противъ воли и завѣщанія отца единодушнымъ голосомъ народнымъ будетъ возведенъ на престолъ, тѣмъ болѣе, что у Петра не было другого сына, могущаго быть законнымъ наслѣдникомъ. Такія и подобныя соображенія по всей вѣроятности волновали душу Петра при обсужденіи вопроса о наслѣдствѣ. Пока мысли Петра не приняли опредѣленнаго направленія, онъ вымещалъ свою дасаду на сынѣ, служившемъ для него камнемъ преткновенія. Оскорбленія сыпались на бѣднаго царевича и на его супругу; денегъ для содержанія выдавалось имъ слишкомъ мало, такъ что они терпѣли горькую нужду и кронпринцесса однажды вынуждена была со слезами просить у Меньшикова денегъ взаймы для необходимаго переѣзда. Въ Петербургѣ помѣщеніе молодыхъ супруговъ было до такой степени некомфортабельно, что въ спальню ихъ

проникалъ дождь. Петръ былъ такъ не деликатенъ по отношенію къ кронпринцессѣ, что во время отсутствія Алексѣя приставилъ къ ней особыхъ женщинъ для наблюденія надъ ея поведеніемъ ¹⁾. Самого царевича Петръ многократно бранилъ, бивалъ и, наконецъ, почти совсѣмъ пересталъ говорить съ нимъ.

Хотя Петръ еще не изрекалъ окончательнаго приговора о царевичѣ, но легко можно было предвидѣть, что Петръ рѣшитъ вопросъ о наслѣдствѣ не въ пользу царевича. Онъ самъ былъ вооруженъ противъ царевича, Меньшиковъ и Екатерина вооружали его еще болѣе. Съ вопросомъ о наслѣдствѣ царевича для самого Петра связывался вопросъ о судьбѣ любимыхъ идей и плановъ; для Меньшикова и Екатерины—это былъ вопросъ о жизни и смерти. Озлобленный и униженный ими царевичъ въ свое время, конечно, припомнилъ бы имъ всѣ обиды и оскорбленія. Нерѣдко въ нетрезвомъ видѣ царевичъ грозилъ гибелью Толстому и другимъ приверженцамъ Петра; тѣмъ менѣе могли ожидать для себя добраго Меньшиковъ и Екатерина; естественно, что они имѣли всѣ причины раздувать въ сердцѣ Петра нерасположеніе къ царевичу. Большимъ несчастьемъ для отца и сына было то, что между ними не находилось третьяго посредствующаго лица, которое одинаково симпатизировало-бы отцу и сыну, одинаково было бы доступно тому и другому и заботилось бы объ ихъ примиреніи. Отецъ и сынъ жили въ различныхъ мірахъ; они разучились понимать другъ-друга, и не было никого, кто взялся бы быть между ними передникомъ и повелъ бы ихъ ко взаимному пониманію и соглашенію.

Между тѣмъ съ теченіемъ времени коллизія не только не упрощалась, но еще болѣе усложнялась. У Шарлотты

¹⁾ Этими обсервационными цѣлями объясняется, можетъ быть, многочисленность штата при кронпринцѣ и кронпринцессѣ.